

*Почитание Божией Матери по
разуму Святой Православной
Церкви*

Характерной чертой церковного благочестия в отличие от благочестия нецерковного, то есть протестантского или сектантского, является, несомненно, почитание Божией Матери. В православном богослужении, при всем богатстве и разнообразии его состава, едва ли можно указать какой-либо чин, хотя бы самый краткий и частный, в котором не было бы обращения к Богородице или с прославлением Ее, или с молитвой о помощи или ходатайстве, или же с благодарением за такое ходатайство и помощь.

Почитание Богоматери имеет, бесспорно, прочную основу в предании Древней Вселенской Церкви. Достаточно вспомнить, что оно сохранилось в обществах, отделившихся от Церкви в период Вселенских Соборов, притом в таких обществах, которые, казалось бы, не имели особого интереса хранить это почитание, например несториане, монофизиты и подобные. Конечно, там мы видим лишь зачатки или, вернее, остатки вселенского почитания Богоматери,

не получившие полного развития в силу самой логики данных ересей. Но тем и доказательней, что они сохранились вопреки этой логике.

Верная своему исконному преданию, Православная Церковь как будто не находит слов, чтобы достойно воспеть Богоматерь, и не знает границ для Ее прославления. Для нашей Церкви Богоматерь – “высшая всех тварей небесных и земных”, “честнейшая Херувимов и славнейшая без сравнения Серафимов”. Сообразно этому и предстательство Девы Марии по своему значению и силе выходит из ряда других предстательств. Мы поем: “Человеческому предстательству [а таково предстательство всех святых] не ввери мя, но Сама заступи и помилуй”.

В службе же на Успение Богородицы (где прославление Богоматери достигает, можно сказать, апогея) прямо говорится: “Слава, Твоя, боголепная”, то-есть приличествующая Богу, свойственная только Богу.

Основанием к такому безграничному возвеличению Богоматери для нашей Церкви является отнюдь не одно, так сказать, внешнее, объективное служение Богоматери спасению рода человеческого, не только то, что Дева Мария стала Матерью по плоти Сына Божия. Этому чрезвычайному по высоте служению Божией Матери соответствовало и Ее внутреннее достоинство, нравственное Ее совершенство, высшая степень, предел святости, какая только доступна человеческому существу под воздействием благодати Божией. Таков, думается, внутренний смысл, устремление церковного учения о приснодевстве Богоматери.

Девство при рождении Богомладенца было даром Божиим. В дальнейшей же Своей жизни этот дар Божий Дева Мария поставила Своим личным подвигом и этим путем при содействии благодати Божией достигла высшего совершенства, включив Себя в тот светлый сонм особенных избранных Божиих, о которых говорится в 14 главе Апокалипсиса.

Тайнозритель видит 144 тысячи избранных, окружающих Агнца и последующих за Ним, куда бы Он ни пошел (ст. 4); они – первенцы Богу и Агнцу; они без порока суть пред Престолом Божиим (ст. 5). Сии суть иже с женами не осквернишася, зане девственницы суть.

Конечно, здесь имеется в виду не телесное девство само по себе. Дьявол совсем не подвержен плотским нападениям, однако это не делает его святым. Здесь, разумеется, особая целостность души, совершенно прилепившейся к Господу настолько, что она не допускает никакому желанию, никакой привязанности становиться между душой и возлюбленным его Господом. Такая душа всецело и всегда живет с Господом и для Него. Естественно, что такая душа становится достойной и способной к восприятию особых откровений Божиих, недоступных другим: ... никто не мог научиться песни, какую пели 144 тысячи избранных (ст.3).

Другой вывод для так настроенных душ: ... аще пребудете во Мне, и глаголы Мои в вас пребудут; его же аще хотите, просите, и будет вам... (Ин. 15:7).

То есть учение о приснодевстве Богоматери не только раскрывает нам путь, которым Она взошла на высоту совершенной святости, но дает обоснование и нашей вере в особую силу молитв Богоматери. Было бы слишком по-человечески думать, что сила эта зависит от плотского родства. Даже для людей такой мотив не всегда имеет оправдание. Несомненно, на первом месте здесь должно стоять, так сказать, родство душ; всецелая, безраздельная преданность Богоматери Ее Небесному Сыну, как Богу и Устроителю Царства Божия, всецелое объединение Ею Своей судьбы с судьбами этого Царства, как пребывающая в Сыне и хранящая в Себе Его вечные глаголы. Богоматерь имеет дерзновение просить у Сына и получает просимое.

Учение о приснодевстве Богоматери не всеми принимается. Против него возражают многие даже из тех не церковников, которые вместе с нами веруют в бессеменное рождение Сына Божия от Девы. При этом обычно ссылаются на упоминание в Евангелиях о братьях и сестрах Господа Иисуса и спешат истолковать эти упоминания в том смысле, что речь здесь идет не о сводных братьях и сестрах Господа, то есть не о детях Иосифа от другой его жены, а о детях именно Богоматери.

Значит, став однажды Матерью Воплотившегося Сына Божия, Дева Мария потом повела обычную семейную жизнь и даже имела детей от Иосифа. В этой совершенно неприемлемой и даже кощунственной для православного сознания мысли возражатели не видят ничего несообразного. Наоборот, по их мне-

нию, этим устранением Богоматери в толпу обычных людей подчеркивается вся исключительность и неповторимость личности .

Самого Богочеловека и то, что Он есть и остается единственным Совершителем нашего спасения. И, кроме того, лишней раз подтверждаются богоустановленность и благословение семейной жизни против монашеских увлечений. Даже из уст одного духовного представителя православно-богословской науки (теперь уже давно умершего) мне пришлось слышать, хотя и не прямо отрицательное, но довольно неустойчивое суждение о приснодевстве Богоматери. По его словам, для нашей веры существенно и важно одно, что Господь родился плотью от Девы Марии, а была ли Она Приснодевой или стала потом замужней женщиной и рожала детей – это более или менее безразлично. Отрицанием приснодевства наша вера будто бы не затрагивается.

Такие рассуждения напоминают мне рассказ о финнах. Будто бы в некоторых местах Финляндии верующие отказываются считать Великий Пяток днем поста и плача и проводят его как самый веселый праздник: в пиршествах, танцах и прочем. “Христова смерть принесла нам свободу от проклятия и смерти. О чем же нам плакать?” Если угодно, нельзя отказать этим рассуждениям в логической своеобразности. Но нельзя забывать, что в Царстве Божиим нравственный закон является таким же непреложным и всеопределяющим законом, как логические законы в нашем мышлении. Поэтому моральная несостоятельность каких-либо помыслов человеческих о Царстве Божиим является несомненным признаком их

ложности, чем и логическая несостоятельность. Этот критерий сразу позволяет видеть, что наша совесть не ошибается, предупреждая нас против только что приведенных рассуждений.

При внешней логической верности догмату они таят в себе коренное извращение христианства, грубый эгоизм, думающий только о выгоде и равнодушный к цене, какой эта выгода приобретена. То же нужно сказать и о рассуждениях касательно ненужности или безразличия для веры приснодевства Богоматери.

Прежде всего бого-установленность брака настолько несомненна для церковного сознания, что не нуждается в новом подтверждении примером Богоматери. Между тем эта бого-установленность отнюдь не изменяет характера брака как учреждения привременного, значение которого исчерпывается пределами лишь теперешней земной жизни. В “жизни будущего века”, по слову Спасителя, “ни женятся, ни посягают, но яко Ангели Божии на небеси суть” (Мф. 22, 30). Как завершение всего, эта будущая жизнь (или, иначе, Царство Божие) и должна служить последней и наивысшей целью стремлений человека, подчиняя себе всякие земные цели. Поэтому неизбежны, в частности, случаи, когда служение Царству Божию может потребовать, чтобы человек ради него пожертвовал своей брачной жизнью.

Апостол Павел весьма настойчиво учит о дозволенности брака для всех. Иногда даже считал брак более полезным, чем безбрачие [например, для молодых вдовиц (см. 1 Тим. 5, 14)]. Но для себя и имен-

но ради своего апостольского служения, дабы не поставить какой преграды благовествованию Христову (1 Кор, 9, 12), он избрал безбрачную жизнь. Ради того же служения Царству Божию был безбрачным и Предтеча. Тем естественнее такая жертва со стороны Девы Марии, призванной к служению, совершенно исключительному по своей высоте и облагодатствованности. После же того как Дева Мария уже восприняла это служение и стала Матерью Сына Божия по плоти, брачная жизнь для Нее была не только психологически неестественной, но и нравственно недозволенной.

В самом деле, наша Церковь очень настойчиво требует, чтобы приходские священнослужители пред рукоположением вступали в брак. Однако после рукоположения брак становится для священнослужителя преступлением, влекущим лишение сана. Очевидно, в первом случае человек от низшего восходит к высшему и никакого нарушения в нравственном прогрессе не совершает. Во втором же он, “возложив руку на рало”, принял на себя служение Царству Божию, “зрит вспять”, обращается к устройству своих земных дел.

Он первую свою любовь оставил (Откр. 2:4) и потому неуправлен в Царствие Божие (Лк. 9, 62). Во сколько же раз больше было бы “ниспадение” Девы Марии, если бы после всего совершившегося с Нею Она превратилась в обычную замужнюю женщину. Она ведь не только была избрана быть Матерью Господа, но и добровольно приняла на Себя такое служение (“Се Раба Господня. Буди Ми по глаголу твоему” [Лк. 1, 38]).

Что же касается евангельских упоминаний о братьях и сестрах Иисуса (которые, кстати, нигде в Евангелии не называются детьми Девы Марии), то ключ к уразумению этих упоминаний дает рассказ святого евангелиста Иоанна о том, как Господь, вися на Кресте, поручил ему, Иоанну, Свою Матерь, а его – Ей. Господь не имел бы оснований в такой час отвлекать Свое внимание к заботам о Своей Матери, если бы Он не был Ее Единственным Сыном и если бы Ее отношения к Нему не заполняли бы всю Ее душу без остатка. Со смертью такого Сына Матерь Божия теряла не только Его, но и самый смысл Своей жизни. Вот почему Она нуждалась в особом попечении и вот почему была поручена Иоанну, тоже девственнику (недаром едва ли не за одним им утвердилось это наименование в Церкви), то есть также безраздельно отдавшему свою душу Господу.

Будь у Марии другие дети, во-первых, и отношение Ее к Своему Первенцу было бы уже иным, и не оставалась бы Она со смертью Первенца одинокой и бесприютной: Ее дети были бы естественными Ее попечителями. Да было бы даже и неуместным Иоанну отрывать и мать от детей, и брать Ее «во своя си». Только Приснодева, «чистотою Ангелов превосшедшая», как поет наша Церковь, нуждалась в попечении Своего Божественного Первенца и могла быть предметом этого попечения даже и в час, когда вся уже *совершишася* (Ин. 19:28).

Католики разделяют с нами особо благоговейную веру в молитвы Богоматери и окружают Деву Марию не меньшим прославлением, но находят, что существующее у нас столь исключительное возвеличение Богоматери не находит для себя в православном учении достаточных оснований.

Как можно прилагать к Богоматери наименования “Пресвятая, Пречистая, Пренепорочная” и подобные, как можно считать Ее «чистою Ангелов превосшедшей», усваивать Ей даже «боголепную славу» и в то же время думать, что Дева Мария по Своему рождению разделяет со всеми нами, грешниками, все последствия нашего происхождения от Адама?

Восполнить этот недостаток католики думают своим учением о непорочном зачатии. Ввиду совершенно исключительного предназначения Девы Марии Она изъёмлется из рядового потомства Адамова, является неким новым существом, высшим человека, – как бы новым творением Божиим, созданным специально для того, чтобы быть Матерью Воплощающегося

Восполнить этот недостаток католики думают своим учением о непорочном зачатии. Ввиду совершенно исключительного предназначения Девы Марии Она изъёмлется из рядового потомства Адамова, является неким новым существом, высшим человека, – как бы новым творением Божиим, созданным специально для того, чтобы быть Матерью Воплощающегося

Сына Божия. Поэтому-то Дева Мария и превосходит всю тварь как святостию и чистотою, так и славою.

Мы не задаемся здесь разбором этого католического учения. Ограничимся лишь замечанием, что это учение в своих последних выводах колеблет основной догмат веры о Домостроительстве нашего спасения чрез истинное вочеловечение Сына Божия. Колеблет, во-первых, тем, что грозит расторгнуть единство природы между нами и Богочеловеком, а на этом единстве стоит все Домостроительство; во-вторых, для Девы Марии сделано изъятие из общего закона: Она получает непорочность как свойство Ее природы, а не как благодатный дар, пред-полагающий участие и Ее свободного произволения, как нравственный подвиг с Ее стороны.

Если оказалось возможным такое, пусть единственное, исключение, если вообще непорочность можно получить помимо произволения, то спрашивается: почему бы не распространить это исключение и на все потомство Адама?

*Встреча Чудотворной иконы Божией
Матери «Курская коренная» в г. Курске.*

Но тогда безусловно ли было необходимо для нашего спасения вочеловечение Сына Божия? Помимо догматической опасности католического учения, оно не утверждает и не оправдывает той славы, какая воздается Богородице в Церкви, а скорее ограничивает эту славу и предостерегает от чрезмерности.

Прирожденная, помимовольная непорочность, как и всякое совершенство природное, сама по себе не имеет нравственной ценности, а главное, это есть совершенство и непорочность твари. Чем выше такая непорочность тем большее удивление и преклонение она вызывает в нас, тем больше опасности перейти должный предел и поклониться твари вместо Творца.

Например, слава Сына Божия и по мыслям Ария бесконечно превосходила славу всех тварей. Но, считая Сына Божия тварью, Арий, конечно, не мог назвать Его славу “боголепной” даже в каком-нибудь условном смысле, чтобы не перейти положенной границы или по крайней мере другим не дать повода к такому переходу. Несомненно, те же опасения, и даже в еще большей степени, переживала бы и Церковь при прославлении Богоматери, если бы Дева Мария возвышалась над родом человеческим со Своей непорочностью по природе. Упреки в многобожии, в частности, в том, что в почитании Богородицы возрождается языческий культ богини-матери, направляемые католичеству со стороны протестантов и свободомыслящих, окажутся, пожалуй, не столь далекими от истины, как бы это желательно было католикам.

Православная Церковь не принимает католического измышления о непорочном зачатии Девы Марии и если и называет Ее зачатие непорочным, то отнюдь не в специальном, а в относительном смысле, в каком может быть названо и всякое другое рождение от благочестивых родителей по их молитвам и благословению Божию. Рождение, при котором почти устраняется господство плотской похоти.

Основанием же к прославлению Божией Матери наша Церковь, верная Слову Божию и вселенскому преданию, ищет не в начале земной жизни Богоматери, не в Ее зачатии, а, наоборот, в Ее Успении. В конце Ее земного поприща, когда и все вообще христианские подвижники, *«течение скончавшие и веру соблюдающие»*, ожидают себе *«венец правды»* от праведного Судии». (2Тим. 4:7-8).

Своим «се, Раба Господня», выразив произволение принять на Себя служение Богу в качестве Девственной Матери Сына Божия, Дева Мария до последнего вздоха осталась верной этому служению и подвигом приснодевства (духовное содержание которого изъяснялось выше) достигла при содействии благодати Божией крайнего предела святости, доступного человеку и вообще сотворенному существу. Эта произвольно достигнутая святость и сделала Деву Марию и достойной, и способной воспринять тот исключитель-

ный *«венец правды»*, которого удостоил Ее Судия-Сын и который и дает Ей и по смерти продолжать служение в качестве Матери Божией и *«спасать присно наследие Ее»*.

Мы говорим о вознесении, или о взятии, Божией Матери на небо с телом, что служит темой православно-церковной службы на Успение, в особенности так называемого чина погребения Богоматери (под 17 августа церковного стиля). В переводе на конкретный язык вознесение значит, что после телесной Своей смерти, Богоматерь не только бессмертной душой вступила в жизнь будущего века, но и плоть Богоматери, уподобившись плоти Воскресшего Господа Иисуса Христа, уже пережила то изменение из тления в нетление, которое ожидает остальных людей лишь после общего Воскресения. *«Сеется, – говорит Апостол, – в тлении, восстает в нетлении; сеется в уничижении, восстает в славе; сеется в немощи, восстает в силе; сеется тело душевное, восстает тело духовное»*. (1Кор. 15:42-44).

Это и есть воссоздание падшего человеческого естества – цель и плод пришествия в мир Сына Божия, Его страданий, смерти и Воскресения. В Богоматери же Церковь видит *«Начальницу мысленного наздания»* – воссоздания (Акафист Пресвятой Богородице), то есть начаток духовного воссоздания человечества, как бы первый случай или пример такого воссоздания.

Другими словами, в Богоматери уже фактически нашли свое первое осуществление самые вожделенные чаяния христианства. В Ее примере – залог и

нашего Воскресения и воссоздания. Вот в чем слава Богоматери и вот почему так радостно верующим душам всегда мысленно созерцать и воспевать эту славу. Несомненно, эта слава во много раз превосходит славу, которую хотят воздать Богоматери католики своим учением о непорочном зачатии. Не забудем, что воссоздание человеческого естества соединяется с его обожением. Господь Иисус Христос так и называется “плотское обожившим восприятие” (молитва перед Причащением), то есть воспринятую Им человеческую природу с душой и плотью. Притом обожается не только собственная человеческая природа Богочеловека: причастниками обожения по душе и телу будут и все пребывавшие едино со Христом.

Например, в каноне на утрени Великого Четверга Господь представляется говорящим такие слова ученикам: в будущем веке *«якоже Бог с вами, боги, буду»*. (4-я песнь, тропарь 3).

Значит, наша Церковь отнюдь не преувеличивает, а, наоборот, весьма точно характеризует славу Богоматери, когда в службе Успению поет: *«Слава Твоя боголепная»*.

Учение о прославлении телесной природы Богоматери после Ее Успения многим кажется несущественным для веры, подобно учению о приснодевстве.

Помнится, защитники сближения со старокатоликами называли это учение позднейшим преданием, не относящимся к учению Неразделенной Церкви и потому для старокатоликов необязательным.

Допустим, что подробности поэтического раскрытия этой темы могут принадлежать позднему времени. Но сама тема так тесно связана с несомненно вселенским чрезвычайным почитанием Богородицы и так необходима для понимания этого почитания, что и само учение о вознесении Богородицы имеет несомненные вселенские корни.

Патриарх Сергей (Страгородский) 1932 год

